

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

П. ГАВРИЛОВ

НА БАРРИКАДЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

П. ГАВРИЛОВ

НА БАРРИКАДЕ

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

F-124

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

МОСКВА · 1967

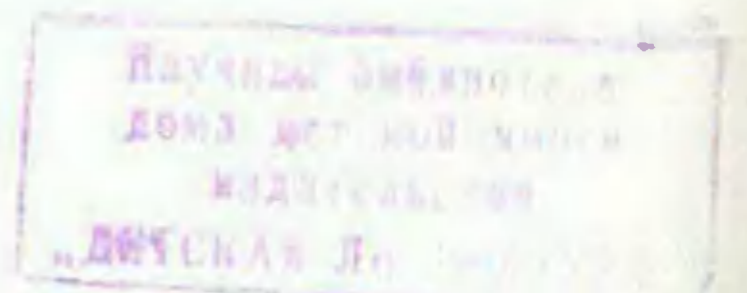
Р 2 + 9 (С) 17

Г 12

В книге П. Гаврилова «На баррикаде» рассказано о том, как десятилетний мальчик, сын рабочего, попал на баррикаду и оказался свидетелем героической борьбы рабочих с царскими войсками.

Это было в Москве, в дни революции 1905 года, когда под руководством большевиков началось декабрьское вооружённое восстание рабочих против царского правительства.

Художник И. Годин

Колька Клюев, десятилетний курносый и веснушчатый мальчик, выбежал за ворота своего дома и остановился как вкопанный.

По Лаврову переулку мчались сани. Но в оглоблях были не лошади, а люди, и они гнали сани наподлёт, как рысаки. Снег весело взвизгивал под железными полозьями саней, словно и он торопился куда-то.

Белокурый парень с длинной шеей, замотанной красным шарфом, — товарищи звали его Константин — крикнул Кольке, блеснув белыми зубами:

— А ну садись, прокатим!

Колька неуверенно шмыгнул носом, однако припустился за санями — искушение было слишком велико. Он хотел было уже взобраться на задок саней, да вспомнил про злых извозчиков с их хлёсткими кнутами и крикнул с опаской:

— Врёшь, кнутом стеганёшь!

— Нету! — обернулся на бегу Константин. — Теперь кнуты по всей России отменяются. Шабаш!

Он ещё что-то сказал, но Колька не расслышал. Остальные засмеялись.

«Ну и неправда! — сидя уже в санях, убеждал себя Колька. — Как же: извозчикам, да без кнута? Тогда бы все задаром так и катали взад-вперёд».

Сани дёрнулись и помчались ещё быстрее. Колька подполз к передку и встал на ноги.

Ох, и хорошо же было лететь во весь дух, стоя, как заправский извозчик! И верно, кнутом не стегали. Кольке стало весело. Подражая бородатым извозчикам, он прикрикнул солидным баском:

— Эх вы, залётныи-и! Шевели копытами-и-и!

Парни засмеялись, а Константин подпрыгнул в оглоблях и, словно конь копытом, шутя ударил соседа сапогом.

Ох, и хорошо же было лететь во весь дух!..

«И чего это сегодня народ такой весёлый?» — думал Колька, удивлённо оглядываясь по сторонам.

Да и было чему удивляться!

Лавров переулочек и на самом деле вёл себя сегодня как-то шиворот-навыворот. Несмотря на ранний час хмурого декабрьского утра, переулочек был полон людьми.

И все эти люди как будто посходили с ума. Двое рабочих, свалив один уличный фонарь наземь, подбежали к другому и, словно дровосеки, дружно и весело начали тюкать по нему топорами. Щепки так и летели в разные стороны. Другие рабочие тащили тяжёлые доски. Ещё какие-то дядьки выкатывали из склада купца Трофимова дубовые брёвна, ногами толкали перед собой бочки...

И делалось это всеми как будто наперегонки и даже с удовольствием.

Безмолвный, смотрел Колька с высоких саней на такие небывалые дела.

Соскочить, что ли, с саней да хватить каменной по забору Трофимова? Небось Колька не забыл, как больно купец трепал его за уши каждый раз, как только ловил с украденными щепками. А печку-то дома чем топить, ну? Дров мамке на что покупать?

А сани меж тем мчались быстрее и дальше — к новым чудесам.

Закинув верёвки за шею чёрного с золотом двуглавого орла над вывеской казённой винной лавки, человек пять рабочих тянули орла вниз вместе с вывеской, подбадривая себя выкриками:

— Е-е-щё раз! Да-авай, раз!

Колька знал, что этот деревянный чёрный орёл был вроде как царским знаком. А теперь что же это они с тем орлом делают, ух ты-и!

Две головы орла со змеиными красными языками в пастьях с треском отломались. Трехлявые куски дерева посыпались вниз, дымя древесной пылью. Все, кто тянул верёвки, попадали на мостовую, смешно толкая друг друга.

Тут уж и Колька не выдержал. Засунув в рот два пальца, он засвистел по всем правилам, с переливами, на весь переулок.

Сани сразу остановились. Потеряв равновесие, Колька шлёпнулся в сани, задрав вверх ноги в больших драных валенках.

Когда он, сконфуженный, поднялся на ноги, на него глазели какие-то рабочие и смеялись. Один из них, с короткой чёрной бородой, в жёлтом полушубке, туго затянутом ремнём, снял мохнатую папаху и шутя поклонился Кольке:

— Слезай, кум, приехали!

Дальше в самом деле ехать было некуда. Пришлось Кольке слезать.

Всё, что люди ломали в Лавровом переулке, они стаскивали сюда и сваливали, как показалось Кольке, в одну беспорядочную грудку. И сани, на которых так весело ехал Колька, повалили набок и поставили на попу. На самом верху этой грудки какая-то тётушка в круглой чёрной меховой шапочке прикрепил палку с красной материей.

— Ты что тут делаешь, пострелёнок? — улыбаясь, крикнула она Кольке. — А мать небось ищет? Беги домой сейчас же!

— Не трожь его, Настюша, — засмеялся чернобородый Степан. — Пускай учится...

Колька не счёл необходимым отвечать тётушке. Подумав, он спросил у Степана, кивнув головой на грудку бочек, саней, досок и железных решёток:

— Это зачем вы?

Поправив у пояса большой пистолет, чернобородый, точно большому, ответил Кольке:

— Баррикада это. Видишь?

— Стало быть, вижу, раз не слепой. А зачем?

— А тебя как звать-величать? — вопросом на вопрос отозвался Степан.

— Колька... Клюев.

Степан сильными руками поднял Кольку с земли, заглянул ему в глаза, опять опустил на землю и сказал, уже не смеясь:

— А затем, чтоб царя-кровопийцу и всяких богачей долой, да чтоб у тебя, Колька Клюев, валенки были не дырявые, да на каждый день горшок мясных щей на столе, да чтоб ты не шнырял по улице, а учился в школе...

— Товарищ Степан! Идут! Вон они! — закричали вдруг с конца переулка.

Раздался резкий свист, повторённый дважды.

Степан сделал страшное лицо, захлопал по полушубку варежками, как петух крыльями, и крикнул Кольке:

— А ну, марш домой! Живо у меня!

Вооружённые рабочие-дружинники сбегались за баррикаду.

Колька хотел было дать стрекача, но вдруг в переулке что-то страшно треснуло. С перепугу Колька присел на корточки. Потом, сам не зная зачем, пролез через бочку без дна и забился в фанерный ящик из-под печенья. Пахло в ящике сладко и вкусно...

Наверху слышались какие-то странные звуки, как будто там отмыкали железные запоры, — это дружинники заряжали карабины и пистолеты.

— Товарищи! — строго сказал Степан. — Нам сейчас придётся схватиться с солдатами Семёновского полка. Гляди, значит, в оба. Напрасно не стреляй. Патроны береги! Подпусти

ближе, тогда и бей на выбор! Слушай мою команду! Гото-о-всь!

И Кольке показалось, что над его головой начали щёлкать кнутами. Семёновцы открыли огонь, и сражение в Лавровом переулке началось.

Дав один залп по баррикаде, солдаты смело двинулись вперёд. Они рассчитывали на то, что рабочие, испуганные первым залпом, сразу струсят и не окажут серьёзного сопротивления. Однако барригада сердито окуталась дымом выстрелов из пистолетов и ружей. Тогда семёновцы пошли осторожней, прячась в воротах и ловко стреляя оттуда.

Теперь выстрелы трещали не переставая. Меткая пуля Степана свалила неосторожного солдата.

На баррикаде закричали «ура». Молодой дружинник подбросил в воздух шапку. Шапка упала на баррикаду. Парень приподнялся, и его голова стала хорошо видна солдатам.

— Прячь башку! — крикнул Степан.

Но было уже поздно.

Грянули солдатские выстрелы. Парень ткнулся головой в свой карабин. Потом он скатился с баррикады на мостовую и замер на снегу, широко раскинув руки, словно притомился стрелять и захотел отдохнуть.

С тоскливым криком Настюша бросилась к

Настюша быстро и ловко взобралась на баррикаду.

убитому. Упав перед ним на колени, она гладила его мягкие волосы, содрогаясь от рыданий. Всё было напрасно...

Тогда, прежде чем кто-либо успел удержать её, Настюша быстро и ловко взобралась на баррикаду.

— Палачи!—закричала она семёновцам.— Нас убьёте — дёла нашего вам не убить никогда!

Пули свистели вокруг Настюши, но она встала во весь рост, грозя семёновцам маленьким своим кулачком, красивая, бесстрашная.

Степан осторожно, но сильно толкнул девушку за прикрытие.

Он взглянул на Настюшу, потом на дружинников с такой гордостью и с такой верой в победу, что Настюша ответила ему спокойной и светлой улыбкой, а лица у дружинников стали как на празднике. Баррикада начала отстреливаться ещё яростней. Но и по ту сторону затевалось что-то угрожающее...

По фанерному ящику вдруг словно палкой ударило. На Колькину шапку посыпались щепки. Пронёсся звук, похожий на раздражённое жужжание мухи.

Наклонив голову, Колька осторожно заглянул в отверстие и усмехнулся, довольный. Теперь, находясь в полной безопасности, можно было видеть всё, что творилось в переулке.

Ему и невдомёк было, что это смертельная пуля, пробив фанеру, прожужжала над его головой. Возьми она чуть ниже, так и угодила бы в голову...

Как-то раз отец взял Кольку с собою в чайную. Сладок был чай вприкуску, ещё лучше — крендель! Колька потягивал чай с блюдца и отдувался, как взрослый. На стене чайной красовались яркие картинки про японскую войну. Солдаты, наши и японские, с офицерами впереди бежали друг на друга, вытаращив глаза и выставив ружья со штыками. Наши — в сапогах, японцы — в каких-то белых чулках с пуговками. В воздухе рвались ярко-жёлтые шимозы, развевались знамёна. Барабанщик бил наступление, и у него тоже были вытаращенные глаза, а по лицу стекала красная кровь...

Теперь ненарисованные, а всамделишные солдаты с ружьями наперевес бежали, крича и стреляя, но не на японца, а прямо на Кольку.

Офицеры в голубых шинелях сердито размахивали блестящими шашками. Стало быть, всё ж увидели дырку в ящике, черти глаза-стые!

Кольке стало жутко. Он беспокойно заёрзал в ящике: не пора ли махнуть домой?

Вдруг он услышал над собой громкий голос Степана:

— Спокойно, товарищи! Не робей! Выби-

рай каждый свою цель! Слушай меня! Без команды не стреляй!

Всё приближаясь, крики солдат звенели в воздухе и, казалось, заполнили весь переулок. Баррикада молчала. Мурашки заскакали по Колькиной спине.

— Бей! — отрубил Степан.

Колька зажмурился и втянул голову в плечи, для верности прикрыв её обеими руками. Раздался такой страшный треск, как будто баррикада под дружинниками разломалась на части и сейчас все, кто был наверху, попададут в ящик, задавят Кольку и всё на свете.

Но ничего такого не произошло. Можно было с осторожкой заглянуть в дырку одним глазом, но и второй глаз вдруг раскрылся сам собой: солдаты с острыми штыками были совсем близко. Теперь-то достанут до ящика — и прямо за уши, это уж как полагается!

Ух, да что же это такое? Вон офицер как-то чудно повернулся на бегу, словно что-то хотел сказать солдатам, но вместо этого выронил шашку из руки и плашмя упал на снег.

— Бей, бей! — услышал Колька над собой хриплый, но весёлый голос Степана.

Всё вокруг трещало и кричало, как на пожаре.

Ага! Вон сразу два солдата и ещё один — не то им по затылку дали, не то они что-то нашли

на мостовой и скорей бросились на находку, чтобы другие не увидели: чур, наше!

Но солдаты и офицер так больше и не встали со снега.

До Кольки донёлся звук солдатского рожка — он испуганно пел отход. Солдаты закопошились около своих убитых и раненых, куда-то потащили их. На баррикаде снова закричали «ура», и огонь дружинников прекратился.

Послышалось металлическое щёлканье, и что-то, тихонько звякнув, упало в ящик и подкатилось к Колькиным валенкам. Это была медная гильза от патрона. Колька поднял её. Чувствуя, как теплота меди передаётся озябшим ладоням, он сдвинул шапку на затылок и, счастливый, прошептал:

— Ловко мы царя-то! А то ишь, кровопийца, всё себе норовит захватить. Шалишь! Это, брат, тебе не что-нибудь... небось баррикада...

Ещё одна гильза упала рядом. Колька вытянулся из ящика, подобрал её. Теперь ребята во дворе так и скосятся от зависти. А как же!

Ну, самое страшное миновало: солдаты дали стрекача. Степан, наверное, уведёт своих в чайную — на радостях пить чай с кренделями. Скоро можно будет и Кольке домой — с пулями. Э-эх, ловко!

Вот их упало в ящик ещё несколько штук, помельче, — наверное, от Степанова пистолета.

Ладно, придётся уж и ребятам дать. По одной штуке на брата. А ну-ка, если сизнова всё пересчитать?

В переулке снова тревожно защёлкали выстрелы.

Насторожённо молчала баррикада. Рабочие следили за действиями семёновцев. После неудачной атаки в лоб солдат не стало видно в переулке. Потом они появились опять, перебегая один за другим. Лёжа за каменными тумбами, семёновцы открыли частый огонь по баррикаде. Дружинники, выжидая, не отвечали—берегли патроны.

Вдруг с соседнего дома с испуганным карканьем взлетела стая галок. Степан посмотрел туда и сказал мрачно:

— Теперь они с крыш начнут по нас бить. В обход пойдут. Гляди в оба, товарищи!

Так и случилось. С крыш баррикаду стало видно как на ладони. Обозлённые сопротивлением рабочих, семёновцы били не переставая. Пули с треском пробивали доски, хлюпали в брёвна и всё чаще находили, кого искали.

Уже пятеро раненых дружинников лежали на снегу, за баррикадой.

Настюша потеряла свою круглую шапочку. Не уставая, она перевязывала раненых. Тонкие пальцы девушки дрожали и были в крови.

А двум молодым дружинникам уже не нужна была перевязка...

Степан оглядел баррикаду и потемнел лицом.

— Товарищи, мы своё дело сделали. Отходить пора. Убитых и раненых — с собой. Кто останется прикрыть отход?

На опасное дело вызвались трое дружинников. Среди них был и Константин. Им оставили побольше патронов. Степан спросил:

— Ребята, как... ничего?

— Сами знаем. Прощайте... — ответил за всех Константин.

Он прикинул к щели и выстрелил.

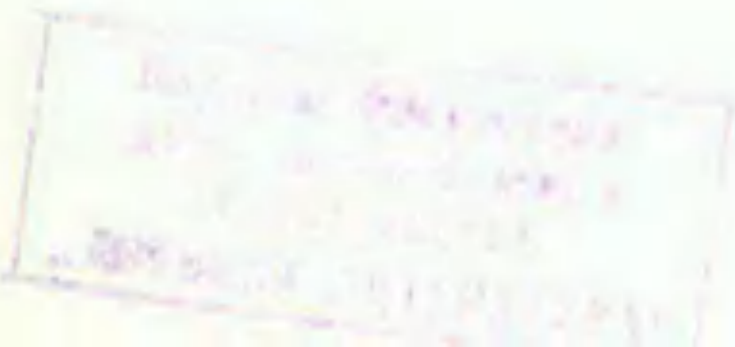
Уходящие дружинники подняли раненых, забрали убитых, их оружие и вскоре скрылись в проходном дворе, тут же за баррикадой.

Семёновцы с крыш заметили отход дружинников.

Перебегая от тумбы к тумбе, солдаты всё ближе подвигались к баррикаде, не переставая стрелять.

Однако Степан знал, кому он доверил остаться на баррикаде. Трое дружинников осаживали солдат меткими выстрелами, прикрывая отход товарищей. Но вскоре баррикада стала отвечать только двумя выстрелами, потом одним. Вот не слышно стало и этого...

Мороз окончательно одолел Кольку. Ноги

вовсе зашлись, пальцы перестали шевелиться. Патроны сделались холодными и, словно в клею, прилипли к ладоням. Пришлось их положить в карманы.

— Замёрзнешь тут с вами! — сказал Колька и полез вон из ящика.

Он осторожно высунул голову наружу и, точно котёнок при виде большого пса, тут же юркнул обратно: на баррикаду с ружьями наперевес бежали солдаты. Лица их были красны и страшны. И кричали они громко и тоже очень страшно.

Колька прижался к стенке ящика и уже хотел заплакать, но решил подождать. Когда солдаты доберутся до него, тогда дело особое. А наверху уже что-то громыхало — всё равно как дома, если к верхним жильцам приходили весёлые гости.

Солдаты ворвались на баррикаду и рушили её. Они отыскивали её защитников. Но, кроме двух убитых дружинников, здесь никого уже не было. Офицер с лязгом вложил в ножны саблю и потянулся к палке с красной материей.

И вдруг раздался выстрел.

Эх, не туда метил последний защитник рабочей баррикады! Метил он офицеру в сердце, а попал только в руку. Офицер застонал от

Офицер вложил в ножны саблю...

боли. Зажимая окровавленную руку другой рукой, он крикнул дородному фельдфебелю:

— Взять живым!

— Тащи его! — осатанело приказал фельдфебель солдатам, и кресты на его груди сердито забрякали.

Солдаты бросились раскидывать доски. Тут они и нашли Константина с пустым карабином.

— Как с ним прикажете, ваше благородие? — вытянулся фельдфебель перед офицером.

Тот хмуро кивнул головой.

— Слушаюсь! — сказал фельдфебель и сделал солдатам какой-то незаметный знак толстыми пальцами.

Подталкивая дружинника прикладами, солдаты подвели его к стене.

Потом пятеро солдат отошли в сторону и стали заряжать винтовки...

По всему видно было, что затевалось гнусное дело. Солдаты старались не смотреть на одинокого дружинника и без нужды долго возились с затворами винтовок. Офицер отвернулся, делая вид, будто его что-то заинтересовало в другом конце улицы, а конопатое лицо фельдфебеля пошло пятнами.

Константин стоял широкой спиной к кирпичной стене дома.

Он увидел у кирпичной стены дружинника и понял:
убивают весёлого Константина.

Медленно, словно усталый пришёл с работы домой, он разматывал на шее свой красный шарф. Лицо его было бледно и строго. И оно выражало то радость, то глубокую тоску. Чему радовался дружинник и о чём он тосковал?

Он дрался с врагом не хуже товарищей и в тяжёлый час выручил всех. Теперь он должен заплатить за это своей жизнью. Ну и что ж? Ну и что ж? Не зря. Один за всех, все за одного — рабочий закон. Только вот узнают ли свои, что он выполнил этот закон до конца и, умирая, не просит у врага пощады?

Вместе жить — хорошо, умирать одному — трудно...

Константин тоскливо взглянул на небо. Серые, холодные облака всё ниже надвигались на Лавров переулок, равнодушно присыпая мёрзлую землю колючим снегом. Зловеще каркали вороны.

Дружинник размотал шарф, снял картуз, потряхнул лёгкими белокурыми волосами и смело взглянул на своих убийц...

Обманутый тишиной, Колька решил, что опасность миновала. Нащупав в карманах гильзы — не высыпались бы! — он на четвереньках пополз из ящика. Пролез через бочку без дна, ушиб обо что-то локоть и как был, с открытым ртом и с шапкой на затылке, так и замер.

Он увидел у кирпичной стены бледного, без шапки дружинника, того самого, что совсем недавно изображал из себя коня, наведённые на него ружья, искажённое лицо фельдфебеля — и скорее почувствовал, чем понял: убивают весёлого Константина.

Солдаты — они стояли спиной к Кольке — не могли его видеть, но Константин сразу заметил и узнал своего недавнего ездока.

Как солнышко, поднимаясь над тихой розовой рекой, гонит прочь холод полуночи и все ночные страхи, так и на лице дружинника при виде Кольки сразу растаяли следы тоски и одиночества.

Улыбнулся и Колька дружиннику.

— Прощай, Колька! — звонко крикнул Константин. — Передай нашим...

Выстрелы пяти винтовок оглушили Кольку. Сам не поняв, каким образом, он опять очутился в ящике из-под печенья.

Подобно серому мышонку, впервые самостоятельно выскочившему из норы и увидевшему прямо перед собой громадные зелёные глаза кошки, Колька застыл в углу ящика, сжимая в кармане холодные гильзы холодными пальцами, ни живой ни мёртвый...

Звёзды вечно падают с неба. Но днём, когда свет солнца ярок, не увидать, как смело и чудесно блеснёт своим путём падающая звезда.

Невидимая звёздочка революции упала в Колькино маленькое сердце.

Семёновцы убили Константина. Добрый Степан, красивая Настюша, дружинники с их ружьями и пистолетами — всё пропало куда-то, словно по щучьему веленью. Баррикаду захватили и ломают семёновцы. Скорее всего, Кольке будет сейчас от солдат хорошая трёпка да дома — вторая, того лучше...

И, несмотря на всё это, Колька не ощущал в себе ни страха, ни раскаяния. Доведись ему опять выйти из ворот своего дома и увидеть мчащиеся сани с людьми в оглоблях, он бы начал всё сначала.

В ушах звенело от залпа, но Кольке всё казалось, что это голос Константина звенит: «Прощай, Колька! Передай нашим...»

Что передать и кому? Нешто, батя?

В ящик дул ветер, и в нём пахло уже не печеньем, а кислым пороховым дымом.

— Апчихи! Апчихи! — два раза подряд чихнул Колька. — Правда! — прошептал он.

Так всегда говорила мамка, сидя за шитьём и вдруг чихнув.

— Ещё одного дружинника споймал! — вдруг пискливо крикнул рябой остроносый солдатик в широкой, не по размеру, фуражке.

Колька почувствовал, что его сильно дёрнули за валенок, потом — за другой.

— Балуй! — засопел Колька и упёрся было в стенку ящика, но испугался, что таким манером с него совсем стащат валенки и тогда уж дома влетит наверняка.

И Колька крепко вцепился в валенки замёрзшими пальцами. Так его и вытащили.

— Ишь ты, крапивное семя! — зло удивился фельдфебель, сверля Кольку вытаращенными жёлтыми глазами. — Кнутом бы тебя, паршивца!

Колька еле шевельнул помертвевшими на морозе губами:

— Теперь кнуты отменяются. По всей России. Шабаш!

Фельдфебель ошалело вытаращил глаза:

— Чего-о-о?

Офицер, покачиваясь на тумбе от боли в руке, процедил сквозь зубы:

— Обыскать змеёныша!

Маленький солдат живо вывернул Колькины карманы.

Гильзы, предательски тенькая, посыпались на доски.

— Понятно! — хрипло сказал фельдфебель. — Той же компании.

Офицер отвернулся и, так же как на дружинника, кивнул остроносому солдату на Кольку. И опять толстые пальцы фельдфебеля, точно черви, неприятно зашевелились.

Рябой солдат схватил Кольку за шиворот и поволок его к проходному двору.

Солдат тащил, сильно пригибая голову Кольки к земле. На белом снегу мальчик увидел красную дорожку крови. Здесь дружинники уносили своих раненых. Где-то они сейчас?

Колька беспомощно затормозил валенками:

— Куда тащишь-то? Некогда мне, домой надо, ну?

Солдат, не останавливаясь, что-то пробурчал и, подкинув в руке винтовку, сердито звякнул ею.

Вошли во двор. Солдат, морщась, как от зубной боли, поставил Кольку к низкому забору и, не оглядываясь, быстро отошёл шага на три. Поднял винтовку к плечу, торопливо нацелился и выстрелил.

Но раздался всего-навсего сухой щелчок металла о металл. Винтовка не была заряжена.

Солдат хрипло выругался. Всё так же торопясь и не глядя на Кольку, он открыл кожаную коробку патронташа и всадил в затвор полную обойму. Щёлкнул затвором, вводя патрон в ствол, и только тогда посмотрел на того, кого он сейчас должен будет убить...

И лишь теперь, может быть, солдат увидел как следует того, кто стоит перед ним. Удивлённо рассматривал он большие, наверное

Солдат посадил Кольку прикладом винтовки.

отцовские, драные валенки мальчика, его заплатанную кацавейку, растопыренные красные пальцы, похожие на морковки, и вдруг столкнулся взглядом с широко раскрытыми, испуганными глазами ребёнка.

Кто знает, не вспомнил ли тут солдат своего, такого же, парнишку в далёкой деревне...

Остроносое лицо солдата дрогнуло и стало не таким сердитым. Он воровато оглянулся назад и зашипел:

— Зачем гильзов-то набрал, чертёнок?

— И-и-грать... с ребятами,— признался Колька, вытирая кулаком слёзы.

— На баррикаду-то откуда попал, прости меня господи?

— Я не попал, я на санях приехал,— уже успокаиваясь, ответил Колька.

Солдат словно нехотя усмехнулся, ещё раз покосился на ворота и вдруг засипел, притопнув сапогом:

— Бежи, покуда цел, таракан курносый!

Это можно было сделать только через забор, но пальцы у Кольки до того замёрзли, что даже не почувствовали шершавых досок забора. Солдат засипел ещё злей и подсадил Кольку прикладом винтовки. Колька перевалился через забор, как куль с мукой, и угодил прямо в кучу снега. Позади, во дворе, раздался гулкий выстрел. Солдат пальнул в воздух...

Колька мчался домой во весь дух. Наверное, всё сойдёт как нельзя лучше. Отец и мать на фабрике, соседка ушла. Кольке только обогреться бы дома, а то всё ничего. Но дома оказались и мать и отец. Мать схватила Кольку в охапку и жадно прижала его к себе:

— Колюшка! Цел! Где же ты носился, сорванец? Разве теперь по улице бегают?

Около матери было хорошо, знакомо. Но, освобождаясь из тёплого плена, Колька с чувством превосходства проронил:

— Небось я не бегал! Я на баррикаде был!

Мать испуганно всплеснула руками. Отец улыбнулся в густые усы. Потом посерьёзnel и так, как он никогда ещё не разговаривал с Колькой, сказал:

— Сынок, иди-ка сюда! Давай-ка, брат, рассказывай.

И Колька рассказал всё.

Отец надел фуражку и сунул в карман такой же пистолет, как и у Степана.

— В случае чего, не робей, Груня,— сказал он и поспешно захлопнул за собой дверь.

Мать беззвучно заплакала и опять прижала к себе Кольку. Но теперь Колька не вырывался. Ему стало очень жалко мать. И, подражая отцу, Колька сказал:

— Ну, чего зря плакать-то! У меня теперь валенки будут новые, мне дядя Степан сказал.

Верно, верно, маманя! И щи у нас будут с мясом каждый день. И в школу я стану ходить!

Но мать всё плакала. Горячие и тяжёлые её слёзы Колька ощущал у себя на щеках. Тогда и у него зачесался левый глаз.

— Папаня-то... куда ушёл? — тихо спросил он у матери, обнимая её.

Мать вытерла слёзы концом головного платка и, вздохнув, ответила:

— Да про твоего Константина сказать кому надо. Слышь, Колюня, революция началась...

Колька подумал, потом разжал потную ладонь. На ней лежала уцелевшая после обыска медная гильза. Снисходительно улыбаясь, Колька сказал:

— Маманя, а вот это что такое? Ни в жизнь тебе не догадаться. Ну-ка?

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об
этой книге присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги*

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Для начальной школы

Пётр Павлович Гаврилов

НА БАРРИКАДЕ

Р а с с к а з

Ответственный редактор Н. И. Максименко
Художественный редактор Л. Д. Бирюков
Технический редактор Т. В. Перцева
Корректор К. И. Каревская.

Сдано в набор 1-ХІІ 1966 г. Подписано к печати 3-ІІ 1967 г. Формат 60×84¹/₁₆. 2 печ. л. Усл. печ. л. 1,97 (1,1 уч.-изд. л.) Тираж 150 000 экз. ТП 1967 № 442. Бум. № 1. Цена 4коп. Издательство „Детская литература“. Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика „Детская книга“ № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушевский вал, 49. Зак. № 5491

Цена 4 коп.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

в 1967 году по серии

«Маленькая историческая библиотека»

выйдут следующие книги:

Веретенников Н.
ВОЛОДЯ УЛЬЯНОВ

Гразкин Д.
ПУТЬ В ПАРТИЮ

Кржижановский Г.
ШУ-ШУ

Муратов М.
ЗАМОРСКИЙ ГОСТЬ.

Эти книги можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов.

